

«У нас принципиальная позиция: неприкасаемых в республике нет!»: большое интервью Валерия Липского

«У нас принципиальная позиция: неприкасаемых в республике нет!»: большое интервью Валерия Липского

Глава СУ СКР по РТ о «Перваках», Зиганшине, Гафурове и рекорде по возмещению налогов

«Нет цели посадить как можно больше коррупционеров. Наше следственное управление, которое является своего рода «наковальней», призвано помочь республике», — говорит руководитель следственного управления следственного комитета России по Татарстану Валерий Липский. В интервью «БИЗНЕС Online», которое публикуется в день 15-летия образования СКР еще при прокуратуре, он подводит первые итоги своей работы на посту в республике. Один из них — признание СУ СКР по РТ лучшим за последнее десятилетие в России. О том, как бывший глава приволжского управления Ростехнадзора Борис Петров

отжимался перед врачами, почему взятка, которую получил бывший руководитель управления ФСС по РТ Павел Лоханов, не мошенничество, и о громком фигуранте, который до задержания пытался оправдаться на личном приеме главного следователя по РТ, — в нашем материале.

Валерий Липский: «Не сомневаюсь, что и в будущем наш коллектив добьется успехов при решении поставленных перед нами задач» Фото: Алексей Белкин

О службе в Татарстане, сильном костяке и подборе команды

— Валерий Андреевич, вы приехали в Татарстан в феврале 2020 года, вас назначили на пятилетний срок, и сейчас, можно сказать, экватор вашей работы. К тому же сегодня отмечается 15-летие со дня образования следственного комитета России.

— 15 лет назад указом президента России был создан следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации. Таким образом, произошло разграничение следственных и надзорных функций прокуратуры. Именно тогда был заложен фундамент будущего следственного комитета как самостоятельной правоохранительной структуры, которой он и стал четыре года спустя.

За это время следственный комитет и татарстанское управление на деле доказали правильность принятого президентом страны решения — эффективность предварительного следствия в результате произошедшего разделения повысилась многократно. За эти годы татарстанские следователи показали высокий профессионализм и компетентность, участвуя в расследовании ряда резонансных и сложных дел. Это крушение теплохода «Булгария» в Куйбышевском водохранилище в июле 2010 года, авиационная катастрофа Boeing 737 в международном аэропорту «Казань» в ноябре 2013-го, пожар и обрушение торгового центра «Адмирал» в Казани в марте 2015 года и многие другие.

Сегодня я от всей души поздравляю коллег с круглой датой, 15-летием с момента знакового для органов предварительного следствия события, желаю всем здоровья, успехов, терпения и выдержки. Не сомневаюсь, что и в будущем наш коллектив добьется успехов при решении поставленных перед нами задач. Мне тем более приятно это сделать, поскольку в этом году мы отмечаем 350 лет со дня рождения выдающегося реформатора — первого российского императора Петра I. Именно его указом был учрежден первый специализированный следственный орган России — майорские канцелярии, подчиненные непосредственно главе государства и наделенные полномочиями по проведению предварительного следствия.

— Какие у вас впечатления о республике, работе здесь? С какими ожиданиями приходили, какие из них оправдались, что-то, возможно, удивило вас?

— Впечатления о работе в республике положительные. Здесь работать интересно, можно себя

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

проявить. Большое количество населения, социально и экономически активный регион, развитый и в промышленном плане, и у людей активная гражданская позиция. Поэтому здесь возникает много проблем, вопросов, преступления разные, есть возможность развиваться.

Здесь сильное следственное управление — оно в прошлом году было признано комиссией следственного комитета России лучшим за 10 лет. Это не только моя заслуга — можно сказать, даже в меньшей части, потому что я на тот момент еще небольшой срок отработал. Это заслуга предыдущего руководителя Павла Николаева, но мы эту эстафету перехватили. Здесь сильный костяк, и с ним приятно работать.

«Следственный комитет и татарстанское управление на деле доказали правильность принятого президентом страны решения — эффективность предварительного следствия в результате произошедшего разделения повысилась многократно» Фото: «БИЗНЕС Online»

— Вы говорите, что вам досталось сильное следственное управление. Вместе с тем вы много от себя привнесли, во всяком случае все ключевые замы поменялись. Сейчас у вас есть два заместителя, с которыми вы работали в Башкортостане, — Марсель Дулкарнаев и Руслан Султанов, и первый заместитель, который пришел из другого региона, — Павел Олейник. По какому принципу подбирали здесь свою команду?

— Основные качества, по которым я подбирал своих заместителей, — это не личная преданность, не какие-то знакомства, а профессиональные, деловые качества. В системе следственного комитета я уже поменял третий субъект, где я работаю, и в Башкортостане перед этим (*перед назначением в Татарстан* — прим. ред.) я был заместителем, исполнял обязанности руководителя следственного управления по региону. Когда вакансии освободились, одного из руководителей ключевых отделов аппарата, а также заместителя я пригласил сюда. На должность первого заместителя я также назначил бывшего заместителя руководителя следственного управления по Нижегородской области, который на тот момент состоял в федеральном кадровом резерве.

Первый заместитель — должность указная, президентская. Ранее я был с ним (*Олейником* — прим. ред.) знаком по Московской области, но в дальнейшем какой-то дружеской связи мы не поддерживали. Он нормально себя проявил в городе Коломне, потом двигался в субъекте уже на вышестоящие должности. В первую очередь для меня имели значение их деловые качества. Перед Башкортостаном я 14 лет проработал в Московском регионе, то есть по факту у меня там были и более близкие, тесные отношения с коллегами, которые тоже профессионально сильны. Тем не менее в первую очередь не дружба, а работа.

— Оттуда, из Московского региона, сюда никто не приехал?

— Рядовые ребята приехали, следователи. У меня там были общественные помощники: кто-то

пришел на рядовые должности, кто-то сейчас подрос до уровня следователя аппарата.

— **Все руководители ключевых отделов остались?**

— Конечно. Основной костяк — это люди, которые здесь работали: и в территориальных следственных отделах по Татарстану, и в аппарате. Кого-то поменял, кого-то переместил, но костяк — на ребятах, которые здесь работают.

— **Школа хорошая?**

— Да, в Татарстане очень сильная юридическая школа. Приятно работать, есть чему поучиться — мы не все идеальны. Умными юристами тоже командовать непросто.

«Первый заместитель — должность указная, президентская. Ранее я был с Олейником знаком по Московской области, но в дальнейшем какой-то дружеской связи мы не поддерживали» Фото: nn.skspba.ru

«Степущенко записывался ко мне на прием до задержания. Приходил, пытался оправдываться»

— **Когда вы возглавили следственное управление в 2020 году, буквально через несколько недель в республике прогремело громкое задержание заместителя министра по ЧС Ильхама Насибуллина. Потом было ощущение, что коронавирус немного ударил по тормозам следствия и оперативной работы, но вместе с тем вы работу по МЧС продолжили. Сейчас дело Насибуллина поступило в суд Москвы. Еще несколько «дел МЧС» расследуют, например в отношении замминистра Олега Степущенко. Откуда такое пристальное внимание к МЧС?**

— Могу сказать, что работа по коррупции — это не только работа следственного комитета. Один в поле не воин. Это общая работа и МВД, и ФСБ, и прокуратуры, и судов, которые принимают решения. И сама республика заинтересована в том, чтобы коррупционеры у нас были на скамейке подсудимых, чтобы остальные подумали, прежде чем совершать такие преступления. В данном случае по МЧС была наработка сотрудников УФСБ по РТ. Этот материал [в отношении Насибуллина] как раз поступил, когда я только вступил в должность. Мы принципиально отреагировали на него и уже приняли решение и о задержании замминистра, и о привлечении коммерсантов к уголовной ответственности.

[Следком и ФСБ дожимают МЧС: за что задержали главного по закупкам?](#)

По другим сотрудникам МЧС также у ФСБ были наработки: поступил материал в отношении

Степущенко. Непосредственно до задержания он ко мне записывался на личный прием, приходил, пытался оправдываться. Я сказал: «Будем разбираться». Должности, предыдущие победы значения не имеют. Будем объективно принимать решение по закону. В данный момент дело передали прокурору для утверждения обвинительного заключения.

«К нам поступили материалы из агентства по страхованию вкладов о совершении дополнительных эпизодов. И не только по банкиру Мусину, но и по другим банкам, чьи руководители были осуждены» Фото: «БИЗНЕС Online»

О делах банкиров

— Недавно второй раз в качестве подсудимого предстал экс-руководитель Татфондбанка Роберт Мусин. Крушение этого банка, важнейшего для республики, произошло задолго до вашего прихода, и уголовное дело расследовалось предыдущей командой. Ему вынесли приговор довольно строгий — 12,5 года. Решение по первому приговору еще не вступило в силу, и неожиданно стало известно, что появилось второе уголовное дело. Возникло ощущение, что была какая-то определенная спешка. Расскажите, пожалуйста, природу возникновения второго дела. Почему именно сейчас? Или 12,5 года, по-вашему, недостаточно?

— Как раз-таки спешки не было, возникла вынужденная заминка. Это дело сложное, объемное, которое суд рассматривал в течение длительного времени. И к нам поступили материалы из агентства по страхованию вкладов о совершении дополнительных эпизодов. И не только по банкиру Мусину, но и по другим банкам, чьи руководители были осуждены — Евгения Даутова, Марсель Зарипов, — о дополнительных эпизодах их преступной деятельности. Конечно, можно было сказать: они уже осуждены, понесли заслуженное наказание. Но надо давать оценку всем юридическим фактам. И мы, расследуя, к примеру, уголовное дело в отношении Мусина, наоборот, были уже готовы предъявить ему обвинение, но сделали это несколько позже, так как ждали, когда Мусину вынесут приговор, чтобы у суда не возникло формальных оснований для возврата уголовного дела и соединения с нашим новым делом. Иначе пришлось бы то объемное дело и вновь нами возбужденное соединять в одно производство. И человек мог бы долго читать большое количество томов.

Кто-то говорит, что Мусин находился под домашним арестом, жил у себя в доме припеваючи: мы как раз хотели, чтобы был приговор, чтобы он отправился в места лишения свободы и у него не появилось новой возможности по своему предыдущему преступному эпизоду и по новому [эпизоду] опять сидеть под домашним арестом и по факту отбывать наказание, которое, предположительно, суд ему назначит.

[«В принципе, не возражаю...»: как Роберт Мусин соглашался посидеть в СИЗО](#)

Официальный сайт
**Следственный комитет
Российской Федерации**

Сейчас новое уголовное дело уже на рассмотрении в суде, и, соответственно, будет дополнительное наказание к тому сроку, который ему уже назначен. Объем предъявленного обвинения в злоупотреблении полномочиями довольно-таки высокий — 26,7 миллиарда рублей. Конечно, здесь было большое количество обманутых граждан, тем не менее что могли, мы сделали: наложен арест на денежные средства Мусина, средства родственников в Швейцарии на несколько миллиардов рублей в валюте. Какие-то активы агентство по страхованию вкладов передавало в конкурсную массу, они реализовывались. Есть гарантии государства на определенную сумму, которую гражданам выплачивали. Банк являлся системообразующим для республики, и поэтому в данном случае мы тоже проявили принципиальность и не стали ограничиваться тем, что человек уже осужден. Новые эпизоды появились — значит, расследуем дополнительно.

«Банк являлся системообразующим для республики, и поэтому в данном случае мы тоже проявили принципиальность и не стали ограничиваться тем, что человек уже осужден» Фото: «БИЗНЕС Online»

— Сколько еще грозит Мусину?

— Это уже суд будет определять.

— То есть он получил уже 12,5 года и ему могут накинуть еще 5–7 лет — юридически такое возможно?

— Юридически — да. Могут добавить год, могут и больше, но не меньше, по крайней мере.

— За погашением ущерба по делу Мусина следите? Это же важный вопрос для следственного комитета.

— В рамках расследования накладывался арест на имущество Мусина и его родственников. Соответственно, уже на это имущество суд обратит взыскание. Потерпевшим признано АСВ, оно уже в дальнейшем будет реализовывать между вкладчиками то имущество, которое у него осталось.

— Расскажите о делах других банкиров — Даутовой и Заринова.

— Так получилось, что все три дела мы одновременно передали в суд. Была помощь агентства по страхованию вкладов, требовалось проводить финансово-аналитические экспертизы, они сопровождали расследование уголовного дела. Отсюда и хороший результат.

Сюда приезжало руководство агентства по страхованию вкладов по России. Часто здесь

проводились совещания: те своими должностями не бравировали — приезжали, помогали, мы вместе это делали, довольно-таки в короткий срок расследовали дела, потому что они тоже объемные — и по Даутовой, и по Зарипову. Также суд сейчас будет эти дела рассматривать. Ущерб менее 1 миллиарда рублей по каждому. Но, по крайней мере, если кто-то уже отбыл наказание, то у них будет рецидив преступления — это учтется при назначении наказания как отягчающее обстоятельство.

«Лоханов являлся должностным лицом и фактически вымогал у предпринимателя денежные средства в своих личных целях. Он обладал полномочиями по решению проблемы предпринимателя, влиял на эти вопросы, мог давать указания. И конкретно в данном случае это был не обман, как он пытается представить» Фото: «БИЗНЕС Online»

Об отжиманиях Бориса Петрова, взятке Павла Лоханова и деле Асфана Галявова

— Свежий громкий и суровый приговор бывшему руководителю управления ФСС по Татарстану Павлу Лоханову — 9 лет колонии за взятку. Редкий случай, когда человека поймали на взятке с поличным — обычно практика такая, что люди пишут заявление постфактум. Его же задержали с деньгами, причем он на протяжении всего судебного процесса говорил, что вину признает, но в мошенничестве, а не во взятке. Но в итоге и СКР ему предъявил обвинение именно по взятке, суд квалифицировал дело так же. Почему здесь СКР так настойчиво поступил? И где грань между взяткой и мошенничеством?

— Лоханов являлся должностным лицом и фактически вымогал у предпринимателя денежные средства в своих личных целях. Он обладал полномочиями по решению проблемы предпринимателя, влиял на эти вопросы, мог давать указания. И конкретно в данном случае это был не обман, как он пытается представить. То есть он реально мог повлиять на ту ситуацию, за которую он получил взятку (2,4 млн рублей — прим. ред.). Разница очень простая: мошенничество — это тяжкое преступление, максимальная санкция — до 10 лет лишения свободы. В случае признания вины не может быть назначено наказание больше двух третей лишения свободы. А взятка, по которой было предъявлено обвинение, — это особо тяжкое преступление. Там уже санкция свыше 10 лет лишения свободы, плюс законодатель предусмотрел кратную ответственность по уголовному делу, то есть он может получить и значительный срок лишения свободы, икратно на него в качестве основного либо дополнительного наказания может быть наложен штраф.

— Лоханову, кстати, штраф не дали.

— Здесь разная практика. Допустим, в моей практике был такой случай, что женщина — судебный пристав получила взятку в размере 300 тысяч рублей. Она сотрудничала со следствием, ее начальнику назначили реальное лишение свободы, а она получила штраф 20

миллионов рублей. Та штраф не выплачивала, и судебные приставы спустя год обратились с ходатайством в суд, чтобы изменили наказание. Основное наказание в виде большого штрафа суд заменил на лишение свободы: теперь виновница получила 7 лет основного наказания — лишение свободы, а также дополнительное наказание — штраф в 1 миллион рублей. Но если человек не в силах выплатить штраф, то наказание может быть заменено.

— В ходе судебных допросов по делу Лоханова возникало ощущение, что человек, у которого Лоханов вымогал взятку, — некий «спецагент». По косвенным вещам складывалось впечатление, что это была провокация. Или нет?

— Нет, это не так. Там был заключен госконтракт, и предприниматель не мог предоставить товар, который по соглашению должен был быть реализован, ввиду того что у нас сейчас санкционные проблемы: некоторые товары поступают из недружественных стран. Он предлагал и более качественный товар, но Лоханов, наоборот, создавал предпринимателю проблемы: «Ты мне привези такой — и все, иначе должен будешь вернуть всю сумму контракта». Естественно, человек пытался это как-то решить. Поэтому здесь, конечно, чиновник подобного уровня, назначенный правительством РФ, так поступать был не должен. Кроме того, когда уже возбудили уголовное дело, его заместитель [Геннадий Титов] начал чинить препятствия данной фирме. Она выиграла на электронных торгах, он превысил должностные полномочия, препятствовал законной предпринимательской деятельности. Мы возбудили также в отношении него дело, потому что он своими действиями причинял ущерб фирме.

«Ему дают таблетку — он ее выплевывает, мы ее потом находим. Смешно — уважаемый человек, руководитель Ростехнадзора по Приволжскому федеральному округу, бывший министр экологии...» Фото: «БИЗНЕС Online»

— Еще одно громкое дело — в отношении Бориса Петрова, бывшего шефа приволжского управления Ростехнадзора. Ваши следственные действия создали широкий резонанс, но в суде неожиданно все закончилось всего лишь штрафом в 60 тысяч рублей. Фактически сухим из воды вышел.

[Борис Петров в наручниках: скорую бывшему хозяину поволжского Ростехнадзора пришлось вызывать дважды](#)

— У следователей полномочия — направить уголовное дело в суд. В суде поддерживает обвинение прокуратура. Она определяет, справедливо суд назначил наказание или нет. Законодатель четко поделил: условно говоря, следователь написал книгу, прокурор как режиссер утвердил, и суд уже принимает решение.

На мой взгляд, конечно, наказание было назначено несправедливо. Но с какими трудностями мы сталкивались! Как он пытался воспрепятствовать аресту — по 8 раз вызывал себе скорую, а перед скорой от пола отжимался. Ему дают таблетку — он ее выплевывает, мы ее потом находим. Смешно — уважаемый человек, руководитель Ростехнадзора по Приволжскому федеральному округу, бывший министр экологии... Суд назначил штраф — это полномочия именно суда. Тем не менее Петров признан виновным в совершении преступления. С учетом возраста и других смягчающих обстоятельств суд посчитал, что надо назначить такое наказание. В данный момент для родственников он преступник. И, когда они будут писать биографию, дети, внуки должны указать, что у них родственник по первой линии — преступник, осужден. При их поступлении на госслужбу это будет учитываться.

— Недавно прошли обыски, был задержан замглавы приволжского управления Ростехнадзора Александр Игонин. Делом занимается МВД, а вы следите за расследованием?

— Законодатель поделил подследственность по полномочиям, когда, кто и какие обстоятельства расследует. Штат МВД гораздо больше, чем штат СКР. И полномочиями по надзору за следствием и МВД у нас обладает прокуратура. Я не могу ради интереса уголовное дело, которое следователь МВД расследует, взять и почитать.

«Асфан Галявов признал вину и активно способствует раскрытию преступления. Мы поддерживаем, человек раскаивается. Не противодействует» Фото: «БИЗНЕС Online»

— Также недавно был суд по мере пресечения Асфану Галявову, которого вы привлекаете по уголовному делу. Его отпустили из-под домашнего ареста, и теперь он просил, чтобы ему разрешили телефонные звонки. Он же признал вину изначально?

— Да, признал вину и активно способствует раскрытию преступления. Мы поддерживаем, человек раскаивается. Не противодействует. И по уголовному закону это все будет смягчающим обстоятельством при назначении ему наказания.

— Ходили слухи, что вы активно изучали его деятельность при строительстве станции метро «Дубравная».

— Сейчас мы в рамках основного уголовного дела проверяем его вместе с оперативными подразделениями на возможную причастность к совершению других преступлений. Хотя он и признался по одному из эпизодов, сейчас рано говорить о том, что мы поставили точку. Расследование по данному делу не завершено.

— В целом он административный ресурс не включал, сразу признал вину?

— Мы представили вместе с оперативными подразделениями неопровержимые доказательства вины.

— Раз Галявов дома, а не в СИЗО, значит, думаем, что включил ресурс.

— Признание вины, возмещение ущерба — мы же все это учитываем.

— Ущерб погасил?

— Насколько я знаю, планировал принять меры к погашению ущерба в самом начале.

О налоговых делах

— Громкая волна уголовных дел у вас была связана с налогами. Наверное, никогда у нас в республике еще не было такого, чтобы к любому уровню бизнеса заходили следователи и в целом добивались погашения долгов. С чем связан такой интерес к налогам после вашего прихода? Это показатель кризиса в стране? И сколько удалось вернуть в бюджет?

— Возглавив следственное управление, увидел какие-то сильные стороны, которые здесь были, и обратил внимание на вопросы, которые можно поднять. У нас нет цели посадить как можно больше коррупционеров. Наше следственное управление, которое является своего рода «наковальней», призвано помочь республике в какой-то части. В нашем управлении на момент моего прихода существовало небольшое подразделение по расследованию налоговых преступлений — 5-й отдел. Штатная численность — пять следователей, руководитель и заместитель. Это специализированный следственный отдел, который расследует все налоговые преступления в республике. Поступает к нам материал по налогам, мы им занимаемся, не поступает — не занимаемся. К нам поступали материалы из налоговой инспекции, ФСБ, МВД. Отдел был молодым, руководитель, который при мне возглавлял подразделение, — неопытным. Это бывший руководитель территориального подразделения. Поэтому я решил данный отдел усилить за счет изменения штатной численности: сократил несколько обеспечивающих должностей, увеличил штат отдела с 5 до 8 следователей, поменял там руководителя.

Новый руководитель — Руденко Юрий Алексеевич — возглавлял такой же налоговый отдел в Башкортостане. И там он был назначен по рекомендации центрального аппарата, то есть я раньше этого человека не знал. В этом отделе должен быть честный руководитель, потому что там обширные интересные финансовые потоки, и нужен принципиальный подход. Мы усилили и увеличили подразделение и в 2020 году показали рекордное количество уголовных дел, направленных в суд, — 20. Дела расследуются тяжело, там проводятся

сложные экономические экспертизы, надо анализировать документы. И это был рекорд для всего 15-летнего срока существования следственного управления по Татарстану.

— Дела направлены в суд — значит, ущерб не погашен?

— Не погашен, либо частично погашен, либо погашен без пеней. В 2020 году мы заключили с ФНС по Татарстану ряд соглашений, вместе с МВД и ФСБ стали работать плотно, потому что у нас небольшая штатная численность. Как по Чернышевскому — главное, малым количеством добиться больших результатов. В 2021 году наша работа продолжилась, и мы направили в суд всего 7 уголовных дел. Большое количество дел мы прекратили с возмещением ущерба, с пенями. По сравнению с 2020-м, где у нас было возмещение 310 миллионов рублей, в 2021 году мы возместили чуть более 1 миллиарда рублей. У УФНС России по Татарстану [в 2021-м] был план собрать 770 миллиардов рублей, и получилось так, что собрали 1 триллион 116 миллиардов рублей — плюс 40 процентов. То есть мы возместили чуть больше 1 миллиарда, но эффект оказался в сотни раз бóльшим.

Теперь в республике гораздо больше возможностей для решения каких-то социальных задач. Насколько я знаю, у нас и изменения в бюджет были. Для примера: в Башкортостане, где я раньше работал, собирают где-то 360 миллиардов налогов в год (*по итогам 2021 года — 393 млрд рублей — прим. ред.*). То есть Татарстан в 3 раза обгоняет Башкортостан, такая конкуренция идет. Здесь и грамотная работа налоговиков, инспекторов и, конечно же, следователей. И сильный руководитель налогового отдела, и курирует работу налогового отдела мой первый зам Олейник. У нас принципиальная позиция: неприкасаемых в республике нет, соответственно, есть такой хороший эффект. Законодательно мы возбуждаем теперь уголовные дела не по материалам УБЭП или ФСБ, а только по материалам налоговых органов. Эта работа продолжена, мы в первом полугодии по уголовным делам деньгами возместили 1,8 миллиарда рублей — это уже больше, чем сумма за 2021 год.

— Видимо, был какой-то очень крупный должник, который «раскошелся»?

— Нет, это работа по разным юридам. Это не удача, что мы кого-то [поймали].

«С Равиля Зиганшина мы тоже уже получили большую сумму в рамках расследования уголовного дела, но она не полностью реализована. Я сейчас не буду раскрывать детали. Мы это дело расследуем» Фото: «БИЗНЕС Online»

— Условно, Равиля Зиганшина...

— Он еще не в этом списке, дело расследуется. Эта сумма по делам, которые прекращены или направлены в суд. С Зиганшина мы тоже уже получили большую сумму в рамках расследования уголовного дела, но она не полностью реализована. Я сейчас не буду

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

раскрывать детали. Мы это дело расследуем. У нас на самом деле конечная цель, чтобы деньги поступили в бюджет. За первое полугодие УФНС собрало 654 миллиарда рублей налогов. Они примерно уже идут на такую сумму, [как в прошлом году], думаю, уже привыкнут, что должны собирать больше 1 триллиона. И возможностей у правительства республики, у президента будет больше при реализации каких-то социально-экономических задач.

— Равиль Зиганшин был освобожден при избрании меры пресечения под залог в 100 миллионов рублей. Это рекордная сумма для Татарстана. Как думаете, эти 100 миллионов, которые над ним лично висят, помогают ли вам как-то взыскивать с него долг по налогам?

[Следком грозит Зиганшину десяткой: руководство ПСО «Казань» заподозрили в мошенничестве](#)

— У нас принципиальное отношение: мы его задерживали, он сидел в изоляторе временного содержания. Предъявлено обвинение, периодически Зиганшин пытается какие-то наши действия обжаловать через суд. Сумму, которую он должен, руководитель ПСО «Казань» частично покрыл. Где-то мы ее перекрыли арестом имущества самого Зиганшина и его родственников. Поэтому здесь мы принципиально относимся, несмотря на все его заслуги, связи, работаем по этому делу.

У нас есть такой критерий оценки — возмещение ущерба. Для людей важно, чтобы от действий преступников им был возмещен ущерб. В этом году за первое полугодие мы возместили государству и потерпевшим больше 30 миллиардов рублей, удельный вес — 99,7 процента. Это самая большая сумма среди субъектов Российской Федерации. Это не только налоги, но и по всем уголовным делам: и банковским, и экономическим, и коррупционным. В Татарстане следователям есть возможность себя проявить, и здесь много интересных дел.

«Спустя столько лет пришли родственники, сыновья потерпевшего Садыкова и сказали: «Спасибо. Мы не могли добиться правды. Мы знали, что к этому убийству причастен Аглям Садретдинов». Я считаю, что эта оценка нашей работы — просто услышать спасибо со стороны потерпевших» Фото: «БИЗНЕС Online»

О резонансных делах Садретдинова и Гафурова

— Еще одна серия резонансных дел — это преступления прошлых лет. Так сказать, пыльные папки ваших предшественников, которые вы отряхнули. Есть дела в отношении влиятельных в республике людей — например, Аглям Садретдинов, бывший глава Буинска, осужден за убийство 20-летней давности. Он получил 8 лет

колонии. Мы очень подробно освещали процесс, но со стороны складывалось ощущение, что его признали виновным исключительно по показаниям человека, который сейчас находится в местах лишения свободы. Один свидетель — и тот заинтересованный. У общественности остается очень странное ощущение от таких дел.

— У нас один из критериев оценки — работа по преступлениям прошлых лет. С 2008 года их число сократилось в 2 раза в нашем архиве: сейчас у нас чуть больше 1,7 тысячи дел, раньше их было больше 3 тысяч. Мы поднимаем, расследуем, чтобы преступники знали, что даже спустя годы мы к ним придем.

По поводу Агляма Садретдинова. В 2003 году было совершено преступление в отношении помощника депутата Государственной Думы, он в течение длительного времени обращался с жалобами в разные инстанции как в Татарстане, так и по России на его (Садретдинова — **прим. ред.**) действия. У них между собой были личные неприязненные отношения. В 2010 году Верховным судом непосредственный исполнитель и посредник данного преступления были приговорены к длительным срокам лишения свободы. Уже когда мы принимали решение о задержании Садретдинова (а это экс-глава Буинска, бывший министр природных ресурсов, почтенный и уважаемый человек, обладающий обширными связями), мы досконально проверяли уголовное дело и объем доказательств: проводили через полиграф людей, которые были осуждены, других свидетелей. Кстати, интересная деталь: Садретдинов от полиграфа отказался, через СМИ пытаясь показать себя невиновным. Там набралась куча косвенных доказательств. Дело шло тяжело, непросто, наши действия обжаловались, пытался он пенять через адвокатов на свой возраст. И спустя столько лет пришли родственники, сыновья потерпевшего Садыкова, и сказали: «Спасибо. Мы не могли добиться правды. Мы знали, что к этому убийству причастен Аглям Садретдинов». Я считаю, что эта оценка нашей работы — просто услышать спасибо со стороны потерпевших.

— То, что они поблагодарили, — это хорошо. Но когда все обвинение строится на показаниях одного человека...

— Нет, там показания не только одного человека, а в совокупности свидетелей. Им по делу проводилось психофизиологическое исследование, то есть эти доказательства подтверждались — показания, переписки. И здесь надо было просто принципиально поступить, чтобы юридическую оценку по делу дал суд. Как говорят: два юриста — три мнения. Я считаю, что суд вряд ли бы назначил ему такое наказание спустя 20 лет после того, как произошли эти события, если бы у него были сомнения в достаточности [доказательств].

— Злые языки говорят, что у него дети сейчас высокопоставленные чиновники в Нижнем Новгороде. Могли ли они как-то повлиять?

— Нет, это работа наших сотрудников, старой команды, которые были готовы и смогли

добиться результата по данному делу.

— Вы говорите, что создается судебный прецедент для таких дел. Допускаем, что по Садретдинову действительно проводилась высококласная работа, раз есть приговор. Но не боитесь ли, что, раз такие сложные дела, где нет прямых доказательств, один раз прошли в суде, потом начнется вал, где друг на друга люди спустя 20 лет начнут стучать, кривить... Есть же обратная сторона медали?

— Мы же изучали материалы уголовного дела и свидетельские показания, которые изначально давались в отношении Садретдинова. Просто на тот момент, когда это дело расследовали, посчитали, что этого недостаточно. Когда я заслушивал эти дела, сказал: «Здесь подработать, там сделать». Считаю, что мы смогли. Да, этот приговор еще не вступил в законную силу, он обжалуется. Не знаю, какой там будет позиция. Но все-таки в суде первой инстанции приговор состоялся, и именно татарстанским правосудием назначено наказание.

— Дело Агляма Садретдинова похоже в некоторой степени на дело Ильшата Гафурова. Оно беспрецедентно громкое для республики, ваше следственное управление сделало большую работу. Прокомментируйте, пожалуйста, это дело, потому что общественность не понимает: как так — уважаемый ректор уважаемого вуза, внятных обвинений нет, все построено на показаниях людей, которые отбывают наказания, чуть ли не пожизненные... Мы его не выгораживаем: возможно, человек виноват, а может быть, и нет. Мы не знаем. Но так разве бывает?

— Это дело тоже сложное в доказывании. Я считаю, что доказательственной базы там достаточно. Исходя из моего внутреннего убеждения и доказательственной базы, я считаю, ректор Гафуров причастен к организации убийства. Причем в первом случае там было покушение, непосредственно исполнитель жив, дает показания по цепочке. Второй раз на этом ректор не остановился. С учетом его веса, статуса, резонанса дело было передано в центральный аппарат, там уже дают окончательную оценку. С моим вступлением в должность дело изучалось у нас в аппарате, и при изучении они (*центральный аппарат — прим. ред.*) нас поддержали и приняли решение о привлечении Гафурова к уголовной ответственности по данному преступлению, которое было совершено более 20 лет назад.

— Инициатива была вашего управления или местного управления ФСБ?

— Инициативно это дело поднимали мы, следственное управление по Татарстану.

«У нас нет цели посадить человека до рассмотрения дела судом. Но у нас, если не ошибаюсь, порядка 17 процентов дел, где мы избираем меру пресечения в виде заключения под стражу» Фото: Алексей Белкин

— И все-таки у общественности масса вопросов: может, надо как-то через суд более подробно аргументировать доказательства обвинения?

— Пока по уголовному делу нет приговора, вступившего в законную силу, рассказывать общественности полностью детали нельзя. Это очень часто может негативно отразиться на расследовании. Потому что какие-то свидетели засекречены — их допросили по видео, но не раскрываются фамилии. Какие-то свидетели в конце расследования представляются для проведения очных ставок с кем-либо. Мы не можем взять и сказать: у нас два свидетеля, этот дает прямые показания, тот — косвенные. Люди могут замкнуться, их могут перекупить, напугать. Здесь множество моментов. А уже когда приговор вступил в законную силу, прошел кассационную инстанцию, тогда можно детали рассказать. Конечно, очень часто говорят: «Мы не верим», — или что-то еще. Но у нас решение суда имеется. Суд — это последняя инстанция, дающая оценку работе следователей, оперативников, прокурора.

— На Западе часто бывает так: расследуется уголовное дело, но, пока суд не принял решение, человек ходит на работу. А у нас берут ректора и сразу в камеру бросают. Все, судьба сломана, работу потерял. А вдруг в суде это все рухнет? Нельзя ли, допустим, сделать так (и не только ректора это касается), чтобы человек все это время работал или дома сидел, а в суде потом доказывал?

— Абстрагируясь от ректора: у нас нет цели посадить человека до рассмотрения дела судом. Но у нас, если не ошибаюсь, порядка 17 процентов дел, где мы избираем меру пресечения в виде заключения под стражу. Можно сказать, что 17 процентов — это много, но значительная часть — порядка 80 процентов — подозреваемых находятся под домашним арестом, под подпиской о невыезде или, как Зиганшин, под залогом в 100 миллионов рублей — это самая большая сумма по Татарстану, прецедент. Есть преступления, по которым люди обвиняются в совершении особо тяжких преступлений — это убийства, педофилия, где изначально предполагается, что будет оказано активное сопротивление по данному уголовному делу. Где имеется доказательственная база, и, как правило, по этой категории преступлений люди не получают условные приговоры. И мы уже задерживаем, избираем меру пресечения в виде заключения под стражу, закладываем, что этот срок пойдет ему в наказание. У нас, следователей, внутреннее убеждение, что человек будет препятствовать расследованию дела, он обладает какими-то обширными связями и соответствующая мера пресечения правильна, законна. Когда следователь предоставляет материалы уголовного дела в суд для избрания меры пресечения, части уголовного дела копируются, то есть обвиняемому или подозреваемому известно, кто в отношении него дает показания, и он, соответственно, может попытаться встретиться, оказать на них давление, поэтому избирается такая не очень популярная мера пресечения.

На мой взгляд, совершенно справедливо и правильно поступает следователь центрального аппарата [по делу Гафурова], который так себя ведет (*ходатайствует об аресте Гафурова* — прим. ред.). Понятно, что имеются имиджевые потери для республики, но здесь

нужно говорить о том, что преступление было и мы его раскрыли.

«Птицин — интеллектуал, окончил исторический факультет КФУ, он был очень удивлен, каким образом мы раскрыли это преступление спустя столько лет. Но генетика — это неопровержимое доказательство» Фото: «БИЗНЕС Online»

О резонансных делах прошлых лет: маньяк и «Перваки»

— Уже начался закрытый процесс над Игорем Птициным, который, по версии СКР, убивал и насиловал жительниц Казани. Очень удивительно было, что дело столь давних лет подняли именно вы.

[«Вот так ее поволок, нанес 2–3 удара палкой»: что рассказывает «казанский маньяк» Птицин](#)

— Могу сказать так: без напора удачи не бывает. Да, за период моей работы удалось раскрыть несколько таких преступлений. Птицин обвиняется в убийствах и преступлениях сексуальной направленности в отношении 7 жертв, три из которых им были убиты, две девушки оказались несовершеннолетними. Все преступления совершены в Татарстане в период с 2009 по 2017 год. Прекратил Птицин свои преступные деяния после смерти матери в 2017-м. Его отработывали по другому уголовному делу, брали ДНК-профиль и включали его генетические данные в базу. И дополнительно осматривались вещественные доказательства с использованием технических средств, с криминалистами, в том числе и из центрального аппарата. И произошло совпадение. Птицин — интеллектуал, окончил исторический факультет КФУ, он был очень удивлен, каким образом мы раскрыли это преступление спустя столько лет. Но генетика — это неопровержимое доказательство. Далее он начал с нами сотрудничать, потому что не по всем жертвам был его ДНК-профиль. Он рассказывал обстоятельства совершенных преступлений, даже где-то пытался придумать изначально несуществующие уголовные дела. Эпизоды, которые мы ему вменили, были проверены. Ему не вменяли все подряд убийства, все половые преступления, мы не занимались какой-то массовой подтасовкой. Исходя из 7 уголовных дел, где он дал показания, все, что доказано, мы и направили в суд.

— Почему вообще такое большое внимание к этим преступлениям прошлых лет? В ноябре 2020 года наша газета публиковала топ нераскрытых убийств, через несколько часов Александр Бастрыкин дал указание подготовить по ним доклад. Удивительно, что 20–30 лет давности — вы еще тогда, возможно, в следственном комитете не работали.

— Я в следственном комитете с первого дня — с 7 сентября 2007 года, 15 лет. До этого я был следователем прокуратуры, 8 лет в военной, гражданской прокуратуре поработал,

зампрокурора по прокурорскому следствию.

Председатель следственного комитета с момента своего прихода поставил задачу по расследованию преступлений прошлых лет, тех, которые пылятся на полках, — это сразу стало критерием оценки нашей работы. Раньше, когда мы работали в прокуратуре, этому не уделялось внимание. И с приходом председателя этот архив стал сокращаться. Он не увеличивается. Очень незначительное количество уголовных дел мы приостанавливаем за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, менее 1 процента в год.

— То есть философия такая, что возмездие необходимо?

— Наказание должно быть. И подключаются силы, чтобы помогать в этом: кроме трудолюбия ребят, это научно-технический прогресс: сотовые телефоны, видеосвязь, генетика, запаховые преступления. В 2012 году было совершено убийство и преступление сексуальной направленности в отношении жертвы, она была обнаружена на обочине автодороги в лесополосе на трассе Арск – Атя. После вечера встречи выпускников утром будущая жертва стояла на остановке, и предполагалось, что преступление в отношении лица совершено было кем-то из водителей, кто взялся подвезти. Мы подняли и дополнительно изучили одежду. Запах был правильно упакован и зафиксирован в 2012 году, и благодаря запаховым следам, одорологической экспертизе спустя 8 лет, в 2020-м, мы раскрыли данное преступление. Когда мы пришли к преступнику спустя время, он даже набросился на сотрудников правоохранительных органов, и его действия еще были дополнительно квалифицированы. Преступник осужден на 19 лет лишения свободы.

Это один из способов. Все наши новеллы раскрывать не хочется.

«В этом году мы направили в суд уголовное дело в отношении 6 участников преступной группировки «Перваки». Это люди, которым по 60 лет, они совершали преступления 20–30 лет назад, в деле пять убийств с покушениями» Фото: «БИЗНЕС Online»

— Но готовите еще несколько таких громких дел?

— Не буду рассказывать. Занимаемся, работаем, не стоим на месте. Занимаемся и преступными группировками, которые раньше гремели. К примеру, ОПГ «Перваки». В этом году мы направили в суд уголовное дело в отношении 6 участников преступной группировки. Это люди, которым по 60 лет, они совершали преступления 20–30 лет назад, в деле пять убийств с покушениями.

— Кстати, они без меры пресечения.

— Да, потому что уголовное дело в течение длительного времени расследовалось, они уже

содержались под стражей ранее, уже наступил предельный срок содержания под стражей. Дело было прекращено, и, когда мы возобновляли расследование по нему, мы его также заслушивали. Проводился большой объем следственных действий. Приходилось ограничивать обвиняемых в ознакомлении с материалами уголовного дела, чтобы направить его в суд. Я считаю, что суд должен дать оценку тех деяний, которые они совершили. Из 6 обвиняемых по делу два человека умерли. Их родственники отказались от того, чтобы мы прекращали в отношении них дело в связи со смертью. То есть уже суд будет давать оценку, виновны они или нет.

— Срока давности нет у этого дела?

— Сроки давности по квалифицированным убийствам определяет суд. То есть, допустим, по убийству одного человека — часть 1 статьи 105 — срок давности составляет 15 лет, а по квалифицированному убийству (с особой жестокостью группой лиц) срок давности определяет суд.

— То есть их могут осудить?

— Да.

— Но это дело один раз уже развалилось в суде, мы это описывали, и теперь заново их судят...

— Мы считаем, что точку должен ставить суд вне зависимости от того, что было ранее. Мы же еще одного человека задержали в Болгарии — Мухина, одного из киллеров.

Сейчас также рассматривается уголовное дело по серии преступлений ОПГ «Тукаевские». Тоже предъявили обвинение по 209-й УК (*бандитизм* — **прим. ред.**) — если раньше это была массовая статья, то сейчас редкая.

«У нас большое количество уголовных дел, которые мы расследуем. В моих полномочиях продлевать по ним сроки до 12 месяцев. Большое количество дел мы продлеваем уже в центральном аппарате СКР» Фото: «БИЗНЕС Online»

О делах, «переехавших» в Москву

— Есть ряд уголовных дел, которые вы передаете в другие регионы, в том числе чтобы давления не было, — как, например, с «делом МЧС». Есть еще дело «Эссена» — вы настояли на переводе этого дела в Москву?

— Нет. У нас большое количество уголовных дел, которые мы расследуем. В моих полномочиях продлевать по ним сроки до 12 месяцев. Большое количество дел мы продлеваем

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

уже в центральном аппарате СКР. Периодически у нас эти уголовные дела истребуются, заслушиваются, мы объясняем нашу позицию. Ни по одному уголовному делу, которое передано в центральный аппарат, ходатайство мы не писали: «Заберите у нас, мы не справляемся». То есть они сами иногда инициативно забирают у нас уголовные дела, где есть общественный резонанс. По своему усмотрению. Например, убийство предпринимателя [Евгения Деданина] в Бугульме. Центральный аппарат сразу изъял [дело] — это их полномочия, оно расследовано там, рассматривается в суде. Так и здесь (с «Эссеном» — **прим. ред.**). Естественно, в центральном аппарате больше возможностей по назначению экспертизы, чем в Татарстане. Надзор по ним осуществляется Генеральной прокуратурой. Я считаю, что мы и то и другое дела добросовестно расследовали, активно, поступательно. Их забирали не потому, что была волокита, или потому, что они представляли сложность в доказывании.

[«Это были деньги Барышева»: как суд устроил допрос «экономическим» следователям СКР](#)

— Дело «Эссена» еще до сих пор расследуется?

— Да, эти дела расследуются, но я не буду их комментировать, потому что они не у нас в производстве.

— **Во время вашей работы произошла одна из самых страшных трагедий в Татарстане. В мае прошлого года Ильназ Галявиев совершил нападение на гимназию №175. Понимаем, что дело вы не расследовали, сразу же приехали следователи центрального аппарата. Но вместе с тем расследовали ли вы систему безопасности в школах?**

— Нет, сопутствующие уголовные дела по нарушению норм закона по безопасности и охране тоже расследует центральный аппарат. По данному уголовному делу у нас большое количество следователей проводили следственные действия, но также и направление по этому делу осуществляет центральный аппарат. Давать комментарии по делу, которое центральный аппарат расследует, я не буду, потому что все, что можно сказать, уже опубликовано и написано. Мне его комментировать некорректно, потому что даже не мы возбуждали. Мы по-прежнему там работаем, помогаем, но под руководством следователя из центрального аппарата.

— **Вы рассказали много интересных деталей о громких уголовных делах. Но какое дело в Татарстане было для вас самым сложным политически или экономически?**

— Дела, которые сейчас переданы в производство центрального аппарата, безусловно, сложны. Но я бы не выделял какое-то одно, здесь же все в совокупности. Другой момент, когда через

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

себя пропускаешь какое-то дело, когда ты был следователем, когда тебе было тяжелее. Как раз те резонансные дела, о которых вы спрашивали, и были сложными. Тот же самый Аглям Садретдинов — пожилой человек, уже 70 лет, такой большой срок прошел, его адвокаты пытаются через прессу обелить. Вы писали объективно и сдержанно.

— Во время коронавируса складывалось ощущение, что произошло резкое затишье в силовых органах, в том числе в СКР, — то ли команду дали, то ли общая активность упала.

— Во время коронавируса мы темп не снижали. У нас имелись трудности при расследовании уголовных дел, потому что следственные изоляторы закрывались на карантин, следователи не имели к ним доступа по работе. Но мы закончили в первый «коронавирусный» год, направив на 10 процентов больше уголовных дел в суд. В 2021-м уже фиксировался незначительный рост. У нас было много резонансных преступлений. Где-то нам шли навстречу судьи при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, когда устанавливались эти «ковидные» ограничения. То есть было просто тяжело работать, люди оказались изолированными, а следователи ходили, болели, иногда целые следственные подразделения выбивались у нас из работы — или один человек оставался, или никого. Приходилось прикомандировывать, но темпов работы мы не снижали. И сейчас темпы работы также не снижаем.

— По вашему мнению, какой общий уровень криминальности и в Татарстане в частности — повышается или понижается? Сказывается ли на нем кризис?

— По сравнению с прошлым годом примерно на том же уровне. Может быть, менее чем на 1 процент выросло количество зарегистрированных преступлений, но зато тяжких и особо тяжких, если мне память не изменяет, — на 1,7 процента сократилось. То есть преступления совершаются на том же уровне. Это объясняется тем, что население Татарстана велико — 4 миллиона человек. Социально и экономически развитый регион. Чем более развит регион, тем больше, соответственно, как правило, экономических преступлений. Следователи настроены на работу, это мы доказываем результатами.

«Молодежь приходит, стараемся брать ребят, у которых блеск в глазах. Приходят выпускники Академии СКР — у нас две академии в Москве и Санкт-Петербурге, но, конечно, основной костяк — это выпускники татарстанских вузов, КФУ в первую очередь» Фото: «БИЗНЕС Online»

Об успехах следственного управления по Татарстану и взаимодействию с другими правоохранительными органами

— На фоне этой ситуации как обстоят дела с молодежью? Все же элита — это люди, которые нажили какой-то капитал, в том числе жизненный, а к вам приходят

молодые следователи, выпускники юрфака. Видите ли, что у них есть какие-то идеалы?

— Молодежь приходит, стараемся брать ребят, у которых блеск в глазах. Приходят выпускники Академии СКР — у нас две академии в Москве и Санкт-Петербурге, но, конечно, основной костяк — это выпускники татарстанских вузов, КФУ в первую очередь. Идет проверка ребят в следственных отделах самими руководителями подразделений, то есть кадровая политика на самом деле дана на откуп руководителям территориальных следственных подразделений, к ним приходят молодые ребята, студенты, выпускники вузов. Они оформляются общественными помощниками и безвозмездно начинают осваивать профессию следователя. Из этих ребят получаются самые хорошие новобранцы. Они уже владеют тактикой, техникой, методикой расследования преступлений, набивают протоколы допросов, составляют проекты обвинительных заключений, то есть они уже владеют профессией.

— Какие, по вашему мнению, сейчас сильнейшие отделы в вашем управлении, где сейчас точки силы, кого можете отметить?

— К примеру, руководитель 2-го отдела [Рустем Адиатуллин], специализирующегося на расследовании должностных, коррупционных преступлений, — он занял второе место среди отделов по расследованию особо важных дел по России.

Территориальные следственные отделы в Казани неплохи. Я тоже был 11 лет руководителем следственного отдела, много критериев оценки работы, где-то у тебя хорошо, где-то плохо. Поэтому нет задачи обязательно выявить минусы.

Как по Чернышевскому: «Великое достоинство — уметь понимать невозможность». Мудрость большого руководителя как раз и заключается в том, чтобы одновременно заглядывать за невидимый для большинства горизонт, и заражать людей уверенностью в достижении кажущихся недостижимыми целей, и одновременно с этим ясно осознавать ограниченность имеющихся в его распоряжении сил и средств.

— Молодежь в адвокатуру так же бежит, как было до вашего прихода?

— Я не скажу, что здесь большое количество людей уходит в адвокатуру, это единицы. Нет такого массового оттока. Работа сложная, тяжелая, ненормированная. Да, у нас есть дополнительный оплачиваемый отпуск в виде 12 суток. Александр Иванович Бастрыкин говорит: «Неважно, какая у вас раскрываемость убийств, сколько вы чиновников поймали, в первую очередь — отношение к людям, которые приходят со своей персональной проблемой». Первый документ, который я здесь подписал, — это указание по работе с обращениями граждан: когда, в каких случаях нам их принимать, когда давать ответы. И это указание лично сам ежеквартально проверяю, сколько людей приняли, требую, чтобы эти

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

записи велись на видео или аудио, потом приезжает аппарат, проверяет. Да, приходится перепроверять, потому что сначала 30 процентов граждан не принимали, сейчас, может быть, 5–10 процентов, но добиваемся, чтобы всех приняли, всем рассказали, почему и как. Потому что именно рост числа обращений возникает ввиду того, что людям не рассказали, что они юридически неправильно понимают нормы закона. В 2020 году по сравнению с 2019-м было минус 9 процентов обращений и жалоб к нам. В 2021 году — минус 9 процентов по отношению к 2020-му. Да, небольшая тенденция, но есть, и роста нет.

Иногда людям стараемся помочь не по нашим вопросам, не остаемся равнодушными к проблемам людей. Конечно, всем нельзя помочь. К примеру, в Набережных Челнах в 2020 году проживала семья Орловых, там 10 детей. Они на очереди стояли 652-ми, проживали в двух комнатах в коммуналке. Естественно, они стоят в очереди, все законно, тем не менее я к президенту обратился, мэр Челнов помог, вошли в положение, и им за счет спонсорской помощи приобрели две квартиры — трех- и четырехкомнатную, то есть им дали 7-комнатную квартиру. Мы говорим о поддержке многодетных, а по факту все движется медленно. Конечно, таких семей много, но где-то мы обратились и помогли.

Расследовали мы уголовное дело со сложным доказыванием по врачебным ошибкам: в Лениногорске мужчина, бывший десантник, участвовал в чеченской кампании. В новогоднюю ночь сломал две ноги, попал на операционный стол. Ему пункцию на позвоночнике сделали неправильно, в результате ампутировали обе ноги. Там много экспертиз проводилось, выяснилось, что врачи были пьяными, с 6-й попытки ему в позвоночник вкололи шприц. Сейчас дело направили в суд. Но мы дальше смотрим, какие есть проблемы, пожелания. Он говорит: «Я проживаю в арендном жилье с матерью». Мужчине больше 40 лет. Обратились к главе города, ему квартиру приобрели. Он говорит: «Мне дали коляску механическую как инвалиду». Мы здесь, в управлении, изыскали возможности и средства и приобрели ему электрическую коляску. Где можем, помогаем в силу своих возможностей, не остаемся равнодушными.

— Хотя это же не работа следственного комитета.

— Не работа, но надо помогать людям.

— Сколько всего штатная численность?

— Штатная численность управления — 350 человек. Таких, кто проработал, как я, в СКР при прокуратуре, потом уже в самостоятельном органе, 15 лет с 7 сентября 2007 года, — 42 человека. Чуть больше 10 процентов. Самые опытные.

— Как сложилось взаимодействие с остальными силовыми структурами? С кем плотнее всего работаете?

— Я бы сказал, что здесь хорошие рабочие отношения со всеми силовыми ведомствами — и с МВД, и с ФСБ, и с прокуратурой. Поскольку мы не всегда со всеми решениями прокуратуры соглашаемся — о возврате дел на дополнительное расследование, об отмене возбуждения, иногда мы обжалуем какие-то решения по возврату уголовных дел. Например, вернули нам дело по обвинению Алчина, который похитил 306 миллионов рублей при исполнении госконтракта по ремонту 165 пожарных машин. Мы установили по документам, что заплатили предпринимателю как за капитальный ремонт, а он провел только текущий. Прокурор республики проявил принципиальность и не поддержал решение нижестоящих сотрудников, утвердил по делу обвинительное заключение. Сейчас дело передано в суд. С ректором Юшко такая же ситуация. Здесь можно опять сказать поговоркой: два юриста — три мнения. Иногда мое мнение идет вразрез с позицией подчиненных, мы порой ходим советоваться в суд, прокуратуру, чтобы у нас была единая позиция, потому что в конечном счете последнее слово за судом, ему решение принимать. Иногда нам приходится «пограничное» дело направлять в суд. Одна из первых заявительниц, которую я принял, оказалась потерпевшей от врачебной ошибки. По делу было две экспертизы, результаты которых на ее стороне, прошло еще две экспертизы, которые не подтверждали ее позицию. Насчет тех четырех экспертиз мы разговаривали с прокуратурой, та нас поддержала, там точку ставить должен суд. В противном случае там не будет счета экспертизам, а суд оценит в совокупности. Суд оправдал врачей, и точку поставил он же.

— У вас не как в МВД, где оправдательный приговор считается «смертельным»?

— Не сам следователь в ходе расследования дела такое решение принимает. Он передает дело на рассмотрение суда. Чтобы не было много отмен, прекращений, несчетного количества экспертиз, которые уже провели и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Татарстане, и возможности не оказались исчерпанными. Пусть суд дает оценку.

— Как оцениваете уровень оперативных структур, с которыми взаимодействуете?

— Один в поле не воин. Мы достигли хороших показателей по полугодию, находимся в десятке [среди региональных следственных управлений]. Здесь сильный оперсостав — и в ФСБ, и в МВД. Ребята с блеском в глазах работают, нам помогают, потому что наша штатная численность все эти вопросы не позволяет нам закрыть. Мы следователи, а оперативное сопровождение и раскрытие — это работа оперативных подразделений.

— Вы сами уже прижились в Татарстане, в Казани, вам тут нравится? Семью перевезли?

— Семью не стал перевозить, потому что у меня старший сын поступает в Москву. Там у нас бабушки, дедушки, они помогают. Жена у меня работает в военном госпитале. Сама она по профессии кардиолог, но сейчас по собственному желанию перешла в травматологию к раненым в ходе СВО на Украине.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

— Злые языки скажут, что вы наверняка ждете назначения в Москву, раз семью не перевезли.

— Я езжу в отпуск, семья приезжает сюда, дети на каникулах. Я сам поменял 8 школ, а потому знаю, что это такое — переезды. Мы живем раздельно, но отношения где-то и укрепились в семье.

[Анастасия Гусева](#), [Артем Кузнецов](#)

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/562706>

07 Сентября 2022